

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82.161.1
doi: 10.17223/15617793/483/1

«Анатомия личности» Гоголя в повествовании Абрама Терца «В тени Гоголя»

Ольга Владимировна Богданова¹, Елизавета Алексеевна Власова²

¹Научно-исследовательский институт образовательного регионоведения Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, olgabogdanova03@mail.ru
²Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
kealis@gmail.com

Аннотация. На материале книги «В тени Гоголя» А. Терца анализируется контентно-нарративная система «филологической прозы» А. Синавского. В ходе интертекстуального анализа выявляются научные интенции литературоведения Терца, обнажаются стратегии «свободной» интерпретации «Ревизора» и «Мертвых душ» Гоголя, прослеживается процесс актуализации философской компоненты художественного дискурса писателя. Дезавуируется идея «терцированного» Гоголя, предстающего в диалектическом синтезе творца и мыслителя.

Ключевые слова: современная русская литература, Абрам Терц, «В тени Гоголя», «филологическая проза», дискурс научный и художественный

Для цитирования: Богданова О.В., Власова Е.А. «Анатомия личности» Гоголя в повествовании Абрама Терца «В тени Гоголя» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 5–15 doi: 10.17223/15617793/483/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/1

Gogol's "personality anatomy" in Abram Tertz's narrative *In the Shadow of Gogol*

Olga V. Bogdanova¹, Elizaveta A. Vlasova²

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, olgabogdanova03@mail.ru
² Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, kealis@gmail.com

Abstract. The article aims to analyze the content and narrative systems of Andrei Sinyavsky's "philological prose" based on the material of Abram Tertz's narrative *In the Shadow of Gogol* and to prove the involvement of his "literary essay" in modern Gogol studies. The authors explore the little-studied text of Sinyavsky-Tertz, trace the history of the perception of *In the Shadow of Gogol* by modern Gogoliade, review a number of critical provisions of modern science about the Russian comedian, and on this foundation to justify the scholarly potential of the neotraditionalist researcher. The main methods the authors used in the study are historical-literary, comparative-historical, intertextual, in their unity and complementarity. The comprehensive approach showed the new facets of Sinyavsky-Tertz's creative talent. The analysis identified the main research strategy of the "free" investigation by Tertz – the structural and compositional integrity of the work, the setting of the research aim and objectives, the choice of the research methodology, the use of references and bibliography, the following of the logic, analytical thinking, focus of final conclusions, etc. The format of the research (for example, a "dissertation"), which Sinyavsky-Tertz resorted to, allowed the authors to trust the research hypothesis proposed in the work and related to the understanding of the personality of the "Tertzian" Gogol, an artist and thinker. In Sinyavsky-Tertz's opinion (contrary to the traditional scholarly view), Gogol did not experience a "spiritual crisis" in the last years of his life, but by the end of the first volume of *Dead Souls* and the final *Selected Passages from Correspondence with Friends* he returned to his origins and authenticity rising above his own literary works that served him as "material" support in his metaphysical quest and approaching the transcendent philosophical understanding of universal truth. Sinyavsky-Tertz subjects Gogol's "personality anatomy" to associative and metaphorical analysis, and comprehends it in several stages: (1) on the basis of a detailed literary analysis of the texts of the comedy *The Government Inspector* and the novel-poem *Dead Souls*, and (2) in the course of a comparative analysis of the discourses of fiction and journalism (mainly epistolary ones). Combining the various components of Gogol's creative personality leads the researcher to realize the unity and integrity of the path of Gogol-the writer and Gogol-the thinker, avoiding the "mystical crisis" (or "madness"), its gradual and cross-cutting evolution towards a deeply philosophical perception of the world and person. The authors reveal solidarity to Sinyavsky-Tertz's position and draw a conclusion that the researcher's judgments are substantiated and persuasive. The results obtained show that Sinyavsky's hypothesis is valid for a number of criteria and can (should) be

perceived by modern Gogol studies as a research conception that opens up new perspectives for understanding Gogol's personality and works.

Keywords: modern Russian literature, Abram Tertz, *In the Shadow of Gogol*, "philological prose", scientific and literary discourse

For citation: Bogdanova, O.V. & Vlasova, E.A. (2022) Gogol's "personality anatomy" in Abram Tertz's narrative *In the Shadow of Gogol*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/1

Введение. История вопроса

Книга «В тени Гоголя» (1970–1973), созданная вслед за «Прогулками с Пушкиным» (1966–1968), представляет собой второе произведение Абрама Терца / Андрея Синявского, выстроенное в стратегиях «филологической прозы». Появление «В тени Гоголя»¹ не было связано с очередным скандалом, скорее, наоборот – книга о Гоголе была принята достаточно спокойно и по-своему доброжелательно. Синявский избежал агрессивных нападок; споры вокруг книги возникали, но были немногочисленны и оказались более сдержанными. По выражению одного из исследователей, по всем признакам «книга о Гоголе <...> осталась в тени «Прогулок»» [1. С. 145].

В 1970–1980-х гг. книга «В тени Гоголя» получила освещение только в зарубежной критике: в СССР имя Абрама Терца еще продолжало оставаться под запретом. При этом именно в критике русской эмиграции книга «В тени Гоголя» удостоилась самого резкого неприятия – в статьях Р. Плетнева «О злом суемудрии Абрама Терца» [2] и П. Файнштейна «Прогулки с Пушкиным в тени Гоголя: краткие заметки о прозе А. Синявского» [3]. Р. Плетнев не принял новую книгу Терца, поскольку полагал, что Синявский «жестко и грубо» исказил смысл сочинений Гоголя, «пошлыми» и «грубыми выпадами» оскорбил память русского классика, высказал так «много благоглупостей», исполненных «с чужого голоса» и пронизанных «советским душком», что терцевские писания достойны единственного определения – «сuemудрие» [2. С. 79]. П. Файнштейн обвинял Синявского-Терца в демонстрации симулятивных «философских размышлений», в создании «псевдолитературоведческого исследования», пронизанного «полной чушью» и написанного «исковерка<ным> русским языком» [3].

Однако наряду с остро критическими суждениями на Западе утвердилась и другая точка зрения: среди рецензентов настойчиво высказывались мнения о том, что с текстом Синявского-Терца «придется считаться всей регулярной армии историков русской литературы» [4. С. 9], что это «фундаментальный труд» [5. С. 215], что это «серьезный труд» [6. С. 9].

В России отклики на книгу Синявского-Терца стали появляться только в начале 1990-х гг. Возможность относительно свободно обсуждать произведение и опыт притягивания/непритягивания ранее появившихся «Прогулок с Пушкиным» приводили к тому, что в критике стали звучать суждения о большей основательности текста, о его аналитичности, даже о литературоведческой (научной) составляющей. Так, Ю. Манн, который и во время «круглого стола» в

«Вопросах литературы» отмечал исследовательские векторы мысли Синявского-Терца в «Прогулках с Пушкиным», теперь в связи с работой «В тени Гоголя» подготовил специальную статью – «Над бездной Гоголя» [7], с размышлениями над новым (для отечественного литературоведения) текстом. Следуя логике Синявского-Терца, исследователь осмысливает «бездны» личности и творчества Гоголя, представленные современным автором, обращает внимание на «диалектическую тонкость» «гоголевской логики», уловленной Синявским, на «единение мистики и реальности», интерпретированных писателем, на «учительный пафос» художественного мироощущения, отрефлексированного Терцем [7. С. 30–33]. Известный специалист по Гоголю вполне серьезно и взвешенно – «непредвзято» [8. С. 100] – принимает наблюдения Синявского и сближается с ним в истолковании гоголевского «Ревизора», пьесы, по его словам, не только сатирической, но и философской.

Сходную открытость к научности суждений и наблюдений Синявского-Терца продемонстрировал и А. Жолковский в статье «Перечитывая избранные описки Гоголя» [9], когда в ходе анализа поздних произведений русского классика исследователь апеллирует к Синявскому и его книге «В тени Гоголя» без каких-либо оговорок или скидок и ставит наблюдения Терца в ряд с положениями известных гоголеведов С. Бочарова, Ю. Лотмана, Ю. Манна и др.

В 90-х десятки авторитетных ученых обращались к книге Синявского «В тени Гоголя». Исследователи находили «ряд внешних признаков серьезного <...> литературоведческого исследования», в частности «большой объем, обилие цитат, деление произведения на главы и даже приметы научного стиля речи» и уверенно предрекали, что «дальнейшая судьба произведения Абрама Терца о Гоголе будет напоминать судьбу научной монографии» [1. С. 143].

Ряд критиков квалифицировали «В тени Гоголя» как (около)научное исследование [10]. Например, А.С. Карпов подчёркивал «субъективность» работы, в которой, по его мнению, А. Терц выступает исключительно как художник [10. С. 57]. А. Терцу вменялось, что им создаётся «образ гения» [2. С. 58], тогда как «академическому литературоведению такого рода суждения противопоказаны» [10. С. 58]. Тем не менее преобладающей дефиницией текста (как и в случае с «Прогулками с Пушкиным») оставалась жанровая метафорика: чаще всего «В тени Гоголя» причисляли к эссе, нередко с уточнением – «фантастическое литературоведческое эссе», относили к «фантастическому литературоведению» [1. С. 132]. Вполне очевидно, что подобная дефиниция возникала как аналог и как

следствие понятия «фантастический реализм», которым окрестил собственную прозу Сиявский: фантастический реализм → фантастическое литературоведение. Однако едва ли подобная квалификация может иметь прямое отношение к научному подходу: фантастическое по природе своей противоположно научному и дозволенное писателю не дозволено ученому. Другими словами, речь идет о том, что «фантастическое литературоведение» Сиявского-Терца вовсе не фантастично, оно опосредовано исследовательской логикой, пронизано присущими литературоведу и филологу Сиявскому прозрениями и точными наблюдениями. На наш взгляд, настало время отказаться от поэтичных определений и признать компетентность и серьезность открытий Сиявского, понимая, что «В тени Гоголя» представляет собой не экзотический опыт филолога-писателя, а работу, вставшую в ряд с эссе Вл. Набокова «Николай Гоголь» и книгой А. Белого «Мастерство Гоголя». И если в отношении всех перечисленных работ – Набокова, Белого и Сиявского – можно уверенно говорить о субъективности, то также необходимо признать, что Сиявский, написавший эссе о Гоголе позднее Белого и Набокова, пошел дальше своих предшественников, предложив «миф о Гоголе». Это особенно актуально в настоящее время, так как, пройдя длительный этап постмодернистского литературоведения, современная наука все чаще прибегает к свободным («артистическим») формам научного изложения. Достаточно вспомнить исследования М. Эпштейна, А. Жолковского, П. Вайля, А. Гениса, В. Курицына и др. (не говоря уже о французских структуралистах и постструктуралистах). Вряд ли сегодня хотя бы одна из квалификационных научных работ способна избежать обращения к этим именам, хотя очевидно, что их филологические практики нередко ассоциативны, метафоричны, творчески «хаотичны» (как по характеру осмысления привлекаемого материала, так и по форме экспликации аллюзийных переключек). Но именно на этом пути все отчетливее стали формироваться пласты интертекстуального анализа, с одной стороны, вбирающего представление о традиции и эволюции русской литературы, с другой – активизирующего представление о «психологии творчества», опосредованного не только научным знанием (интеллектом), но и коллективным (или индивидуально-личностным) бессознательным. Именно Сиявский-Терц с его «филологическими эссе» о русских классиках – Пушкине и Гоголе – стал родоначальником (основоположником) постмодерного «ассоциативного» литературоведения, прочно утвердившегося сегодня в отечественной науке и особенно в ее зарубежной ветви. Не признать причастность к науке «литературоведческих эссе» Сиявского в начале XXI в. уже нельзя, отказаться от оправдательно-оценочной метафорики применительно к его работам необходимо.

Интертекстуальные корреляции повествования Абрама Терца

Контентно-нарративный план «В тени Гоголя» Сиявского-Терца весьма репрезентативно раскрыва-

ется в плоскости интертекстуальных связей, которые демонстрирует его повествование. Если применительно к «Прогулкам с Пушкиным» первыми из претекстов Терца-пушкиноведа критика называла произведения В. Розанова, М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Маяковского (см.: [11–13]), то в отношении к «В тени Гоголя» такую позицию могут (помимо В. Розанова) занять А. Белый, В. Брюсов, Вяч. Иванов, Д. Мережковский, В. Набоков и др., которые в том или ином качестве обращались к различным аспектам обширной гоголевианы.

Следует заметить, что отдельные исследователи уже обращали внимание на некоторые из вышеозначенных интертекстуальных корреляций и даже упрекали Сиявского-Терца в плагиате. Так, Р. Плетнев, как уже было сказано, весьма критично настроенный по отношению к книге о Гоголе, упрекал Терца в отсутствии новизны его исследования и настаивал, что ряд положений, выдвинутых Сиявским, «вторичен», его «откровения» заимствованы у предшественников. Например, по Плетневу, мысль Сиявского-Терца о рождении русского реалистического романа не в рамках творческих поисков Пушкина или Лермонтова, но в творчестве Гоголя, по наблюдению критика, принадлежит А. Белому и почерпнута из его работы «Мастерство Гоголя» [2]. Или: суждения Сиявского-Терца о «Выбранных местах из переписки с друзьями», по утверждению Плетнева, напрямую связаны с Набоковым и его фрагментом «Николай Гоголь» [2].

Можно предположить, что Сиявский действительно (особенно после освобождения из лагеря) в процессе работы над «своим» Гоголем мог обращаться и к А. Белому, и к «Лекциям по русской литературе» Набокова. Однако, на наш взгляд, нет необходимости искать в работе Сиявского-Терца следы плагиата: опора на предшественников и связь с ними отличает все серьезные научные работы, в том числе в области литературоведения.

Действительно, когда Сиявский-Терц размышляет о творческой судьбе Гоголя в первой (вступительной) части своей большой работы – «Эпилог» – и опирается преимущественно на «Выбранные места из переписки с друзьями», кажется, можно усмотреть связь с представлениями о Гоголе В. Набокова. Начать можно с того, что Сиявский-Терц открывает свои размышления, как и Набоков, «диахронически» – смертью Гоголя, отталкиваясь от «странных» обстоятельств последних лет (месяцев и дней) писателя. Можно было бы сказать, что вслед за Набоковым Сиявский-Терц весьма несерьезно размышляет о серьезном. У Набокова: «Парочка чертовски энергичных врачей, которые прилежно лечили его (Гоголя. – О.Б., Е.В.), словно он был просто помешанным <...> пыталась добиться перелома в душевной болезни пациента...» [14. С. 112]. Оценочные эпитеты (чертовски энергичные) и выразительные номинативы (слабительные, помешанный, чуть позже – дьявол и др.) изначально формируют стилевую доминанту набоковского повествования, указывая на возможный претекст Сиявского, из которого словно бы «заимствуется» композиционная форма и речестилевая ма-

нера Терца. Однако Синявским были уже написаны «Прогулки с Пушкиным», в которых свобода стиля определялась далеко не плагиатом или заимствованием, а собственной установкой на либертальность слова, мысли, творчества. Использованная Синявским-Терцем манера повествования уже была опробована и в малой степени зависела от Набокова. Более того, когда Набоков писал о Гоголе, что тот «погубил свой гений, пытаясь стать проповедником» [14. С. 34], и когда в этой мысли некоторые исследователи усматривают близость Синявского Набокову, то они решительно ошибаются. Весь «Эпилог» Синявского-Терца подводит не к мысли об утрате таланта Гоголя в последние годы жизни (традиционный ракурс), а об органичности писателю тех философских посылов и постулатов, которые утвердились в нем к концу жизни и вышли на передний план в его «переписке с друзьями». В отличие от Набокова Синявский-Терц не говорит о деградации человека и писателя, но, наоборот, высказывает гипотезу о том, что мнимый кризис Гоголя в последние годы его жизни на самом деле таковым не был. По мысли Синявского, к концу жизни Гоголь вернулся к себе настоящему, истинному, к тому, каким он был всегда и с которым он в себе боролся всю жизнь, чтобы находиться во взаимосвязях с другими (в том числе с литературой).

Синявский: «Однако <...> поздний Гоголь это не какой-то другой, видоизменившийся или пошатнувшийся, автор, но в точности тот же самый, лишь откровенный со своей оборотной, теневой стороны (либо вышедший наконец-то на свет из темноты своего прошлого творчества). Что оба антипода как нельзя удачнее уравновешивают и дополняют друг друга, складываясь в единую фабулу завершенной судьбы человека, расплатившегося при жизни – во второй половине пути – за вину (или благо) первой своей половины...» [15. С. 38].

Едва ли можно согласиться с кем-то из исследователей (критиков), что Синявский-Терц воспроизвел в подобном размышлении чью-либо мысль или суждение. И хотя отголоски сходных мыслей вычитываются у Брокгауза и Ефрона («Энциклопедический словарь»), но очевидно, что Синявский первым в современном гоголеведении решился со всей определенностью высказать подобное суждение, в котором, на наш взгляд, контент возможности и допустимости ничуть не ниже, чем сущность вероятности. Мысль Синявского, что Гоголь «носил в себе смерть от своего рождения» [15. С. 10] и что «смерть лишь прогрессировала по мере того, как он жил» [16. С. 10], в прошлом близкая символистским мистериям Дм. Мережковского, в перспективе присутствующая в текстах современных постмодернистов (Д. Пригов, Л. Петрушевская, В. Сорокин, В. Пелевин и др.), в интерпретации Терца обретает характер аксиомы, не требующей доказательств и отчетливо прочерчивающей трагическую линию жизни Гоголя.

Нечто подобное можно сказать и о «заимствованиях» (приписанных Синявскому-Терцу) «от» А. Белого. Можно было бы согласиться, что Андрей Белый – «задолго до Терца» [2. С. 78] – уже размыш-

лял о том, что Гоголь – «отщепенец», что он не утвердился ни в «его породившей среде», «ни в какой другой...» [16. С. 15]. Можно было бы признать, что А. Белый одним из первых заговорил о «грехе» и «трагедии» отпадения «самодостаточной личности», в частности Гоголя, от «монолитного коллектива» [16. С. 67] рода, однако Синявский, если вдуматься в суть его размышлений, говорит решительно об ином – об отсутствии трагедии Гоголя, скорее наоборот – о благодати и очищении, достигнутых на пути «отщепенства» писателем и человеком. Синявский размышляет: «Что если существует возмездие за писательский грех, то Гоголь уже на земле испытал весь ужас писательского же, по специальности, ада и ушел от нас примиренным, очищенным, расквитавшимся, в то время как у других всё еще впереди...» [15. С. 38]. Синявский-Терц не акцентирует мотив греха, вины или трагедии, которые сопутствовали Гоголю, но принимает его жизнь и судьбу без оценочных эпитетов, без модальной аксиологии и рассматривает уход Гоголя как подъем ввысь согласно последним словам писателя: «Лестницу, поскорей, давай лестницу!..» [15. С. 63].

Классически образованный, прочно связанный с историей русской литературы, интертекстуально запрограммированный как филолог-специалист, Синявский не мог не знать Гоголя «от Набокова» или «от А. Белого», однако его собственные размышления о писателе не только не стали повторением ранее усвоенного, но и значительно отличались от того, что звучало в работах предшественников.

«Филологическая проза» А. Терца (от Пушкина к Гоголю)

Нет сомнения, что, еще работая над «Прогулками с Пушкиным», Синявский уже задумывался о Гоголе и постоянно апеллировал к нему, в компаративных стратегиях рассуждая о поэте-классике. Так, размышляя о «восприимчивости» («всеприимчивости») Пушкина, Синявский-Терц словно случайно касается в «Прогулках...» Гоголя и показывает, что тот «другой»: на фоне открытого и ясного Пушкина «вспомним Гоголя, беспокойно, кошмарно занятого собою, рисовавшего все в превратном свете своего кривого носа» [17. С. 373].

Или рассуждение о стиле Пушкина: «Если Гоголь все валит в одну кучу (“Какая разнообразная куча!” – поражался он “Мертвым Душам”, рухнувшим Вавилонскую Башней, недостроенной Илиадой, попытавшейся взгромоздиться до неба и возвести мелкопоместную прозу в героический эпос, в поэму о Воскресении Мертвых), то Пушкин по преимуществу мыслит отрывками. Это его стиль» [17. С. 390].

Даже о переписке поэта Пушкина в «Прогулках»: «Начав петербургский демарш преимущественно с посланий частным лицам по частному поводу, Пушкин наполнил поэзию массой <...> личного материала. <...> (Какой контраст Гоголю – кто частную переписку с друзьями ухитрился вести и тиснуть как государственный законопроект!)» [17. С. 401].

И подобного рода «отсылок» к Гоголю в «Прогулках с Пушкиным» множество. Работая над Пушкиным, Синявский-Терц неизменно сопоставлял одного и другого, как бы уже готовый обнаружить свои суждения о Гоголе, словно бы подготавливая «тень» будущего «терцированного» Гоголя-Яновского. Фактически сопоставляя писателей изначально, Синявский-Терц уже в «Прогулках» вычерчивал различные (противонаправленные) векторы эволюции и творческих судеб художников-современников. Формировал собственный гоголевский метатекст.

Как и в случае с «Прогулками с Пушкиным», доминантой «В тени Гоголя» остается проблема творчества – классическая проблема творца и его творения, предназначения поэта и поэзии. Но на примере Гоголя Синявский рассматривает другой вариант творческой «литературной матрицы». Если в ситуации «Прогулок» доминировал Пушкин-Поэт, то в атмосфере нового трактата, по Синявскому-Терцу, побеждала «тень» Гоголя, мистика Гоголя, т.е. не Гоголь-литератор, но Гоголь-мыслитель (религиозный метафизик).

Обращение Синявского-Терца к произведениям Гоголя не подчинено условной хронологии (как в «Прогулках»), но базируется в основном на двух выдающихся гоголевских творениях – «Ревизоре» и «Мертвых душах». И оба произведения служат Синявскому не столько материалом для литературоведческого анализа, сколько фундаментом («пейзажем») для осмысления творческой личности Гоголя, пронизанного «обратной перспективой» «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Если исходным претекстом для «Прогулок» служил двухтомник В. Вересаева «Пушкин в жизни», то вересаевский «Гоголь в жизни» (1933), построенный по тому же принципу, что и хроника о Пушкине, по видимому, оказался вне поля зрения (или доступности) Синявского, так как собранный Вересаевым эпистолярный о Гоголе на страницах книги Терца не актуализируется (если только в «растворенном» виде). Между тем интенция писателя-исследователя – быть честным и объективным – остается «вересаевской». Даже принцип привлечения мемуарно-эпистолярного претекста, предложенный Вересаевым и опробованный Терцем в «Прогулках», сохраняется в структуре книги «В тени Гоголя». Размышления исследователя подкрепляются цитатным материалом из «переписки с друзьями», в необходимых случаях – выдержками из критических и литературоведческих работ (былого С.Т. Аксакова или современного М. Гершензона), сопровождаются библиографическими отсылками, указанием на авторство, дату, «географию прозы [цитаты]». При этом основой интертекстуальных пересечений в «В тени Гоголя» остается претекст Гоголя, интерпретируемый в собственном терцевском (синявском) ракурсе, позволяющем создать новое научно-художественное исследование.

Ахроническая композиция «В тени Гоголя», начатая с «Эпилога» (со смерти Гоголя) и пронизанная мыслью о возвращении Гоголя в «Выбранных местах...» к самому себе (о предсмертном возвышении

Гоголя), позволяет Синявскому-Терцу «от обратного» взглянуть на тексты писателя, с точки зрения уже известного будущего осмыслить пока (в ходе анализа) еще не осознанное настоящее. Обратная перспектива исследования позволяет Синявскому-Терцу не столько выдвигать гипотезы, сколько склоняться к умозаключениям. Синявский-Терц, кажется, поступает алогично. Но взгляд «из будущего», с позиции «всезнания» дает исследователю право (и возможность) сопоставлять разновременные факты и события в жизни и творчестве Гоголя не эволюционно, но революционно, не последовательно, но стадияльно. «Параллельные» планы обеспечивают Синявскому-Терцу стереоскопию видения, глубину макропроекции.

«Ревизор» Гоголя в восприятии Абрама Терца

В традиции классического литературоведения уже в начале изыскательской практики текст первого из выделенных для анализа произведений – «Ревизор» – помещается Синявским-Терцем в рамки литературной преемственности: исследователем изначально устанавливается связь гоголевской комедии с «Недорослем» Д. Фонвизина и «Горем от ума» А. Грибоедова (точнее, на их фоне констатируется отход от устаревшего к 30-м гг. XIX в. комедийного канона). Синявский: «...комедия – меньше, чем в два месяца, – выскочила из-под пера, рядом с ней другие, виднейшие творения отечественной комедиографии – “Недоросль” и “Горе от ума” – смотрели мрачнее трагедии. Так и назвал их Гоголь – трагедиями <...> бесконечно дивясь, до чего ж неуклюжи, бесформенны и нисколько не смешны эти основоположники русской комедии по сравнению с “Ревизором”» [15. С. 66].

С одной стороны, как квалифицированный ученый Синявский расчищает «матрицу», встроенную в «Ревизор» из прошлого века, – комедия опирается на знаменитое классическое «триединство» (единство места, времени, действия) [15. С. 68], в ней репрезентированы устойчивые фабульные узлы-коллизии, прослеживаются линии знакомых сюжетных «интриг» [15. С. 68]. «...в проекции, в схеме, эта комедия восходит к той же традиционной, из восемнадцатого века, канве (с которой Гоголь был прочно связан), откуда повелись и Фонвизин, и Грибоедов со своим ревизором Чацким, и множество других ревизоров, прокуроров, резонеров, приезжающих в собрание плутов и дураков, с тем чтобы всех распекать, выводя на чистую воду, к большому удовольствию зрителей» [15. С. 67].

Однако, с другой стороны, «нетрадиционный» исследователь позволяет себе увидеть новизну (новаторство) Гоголя, но не в том направлении, которое предлагала советская наука: «Замените в “Недоросле” Правдина – Вральманом, у Грибоедова вместо Чацкого поставьте Загорецкого, и вы получите почти готовый гоголевский “Ревизор”. Гоголь произвел эту простую замену и вместо ревизора привез в город вралья, болтуна, словоохотливого “резонера” в кавычках, от которого вся комедия зажглась, заиграла красками, забродила кровью нового, не верящего в добродетели

века и в этом смысле стала менее “Ревизором”, чем “Недоросль” Фонвизина и “Горе от ума” Грибоедова» [15. С. 67]. Смелые «перестановки» и знаменитые терцевские «перевертыши» позволяют Синявскому под иным углом зрения взглянуть на классические произведения русской литературы и их «внутреннюю связь» с «Ревизором» обнаружить на другом уровне.

Тип центрального героя комедии XVIII в. – герой-резонер (например, Стародум у Фонвизина) – по Синявскому-Терцу, остается в фокусе гоголевской комедии. Однако у Гоголя это резонерствующий герой «в обратном, минусовом значении», «перевертыш». По Синявскому, «...лже-ревизор Хлестаков оказался ключом, от завода которым (в обратную сторону) “Ревизор” играет, наподобие чудесной шарманки, исполняющей административный мотив с бурностью польки-мазурки, или, вернее, в более гибком, изысканном, хотя, может быть, и чуточку старомодном, упоительно капризном, порхающем ритме менуэта» [15. С. 67].

Синявскому-Терцу достает наблюдательности, чтобы связать природу легкости гоголевской комедии с французским театром – сопоставить с «плутами Бомарше» и «эскападами Лопе де Вега» [15. С. 68], проследить по-французски «пружинистое продвижение действия». Однако (в отличие от французских комедографов), как показывает Синявский-Терц, Гоголь успешно избегает традиционной любовной интриги – отказывается от канонически обязательного «сговора невесты» (в том числе традиционного для «Недоросля» и для «Горя от ума»). Синявский высоко оценивает талант Гоголя, сумевшего обойтись без «типично комедийной пружины»: «Гоголь и без любви добился всех тех отличий, которые за граница добывала любовной наживкой» [15. С. 69]. Пратекстуальный канон, как показывает Синявский-Терц, успешно преодолевается Гоголем, творя своеобразие новой комедийной классики.

Несмотря на характер повествования (изложения материала) – вольного и неакадемичного, в самой сути наблюдений Синявского-Терца сохраняется профессиональный градус научного изыскания, предлагающего к осмыслению точные и аналитичные наблюдения. Форма наррации, к которой прибегает Синявский-Терц, только на первый взгляд может показаться вненаучной. По утверждению В. Колоновского, Синявский-Терц – специалист высокого уровня и широкой эрудиции: «Вы не просто читаете его книги. Вы вычленяете исторические параллели, ассоциативные связи, замечаете неожиданные стилистические обороты и гротескные аллюзии, расшифровываете автобиографические эпизоды. Чтобы понимать Синявского, надо обладать знаниями историка, навыками детектива и упорством Сизифа» [18. Р. 386].

Артистизм повествовательной манеры Синявского-Терца не должен отвлечь от сути неожиданных для традиционной отечественной гоголевианы серьезных интерпретаций, которые предлагает исследователь. В этом плане обращает на себя внимание аналитика сюжетной коллизии «Ревизора», понимание особенности

и самобытности гоголевской комедийной конфликтности. По Синявскому-Терцу, «у Гоголя, по русским обычаям, сюжет заполнен всецело общественным интересом, не оставляющим места иного рода страстям». С точки зрения исследователя и очень по-гоголевски это «национальная наша черта – привязанность не к личным причинам, но к устремлениям общества» [15. С. 69]. Свобода нарративной манеры не отвлекает от убедительности того, что «сюжет, подсказанный Пушкиным, как и просил Гоголь, [действительно] оказался чисто русской, принципиально русской закваской» [15. С. 70].

Не признать эту особенность русской драмы (шире – литературы) нельзя: неслучайно едва ли не в каждой русской пьесе должен быть актуализирован общественный и гражданский аспекты (ракурсы), социальная драма (как известно) – одна из самых устойчивых жанровых разновидностей русского театра (драма социально-психологическая, социально-философская, социально-публицистическая, социально-политическая и др.). При этом, выводя такую особенность в гоголевском «Ревизоре», Синявский не абсолютизирует ее: «...административный восторг принимает в “Ревизоре” гривуазную даже форму. В изгибах Городничего, в готовности Бобчинского бежать “петушком” за дрожками, в податливом словце “лабардан-с” есть что-то от любовной истомы». По Синявскому, Хлестаков «под юбки <...> залезает не ловеласом, но ревизором» [15. С. 69] – и подобное суждение не только остроумно, но и точно.

Несмотря на поэтический слог, к которому нередко прибегает Синявский-Терц² (огромные стилистические периоды, обилие и протяженность рядов однородных членов, риторические конструкции, перебивки речи, парцелляция и проч.), исследователь пошагово, последовательно раскрывает «механизм» комедийной интриги и в «более научных» [15. С. 71] стратегиях подводит к выявлению своеобразия гоголевского текста.

Как и предполагает научное исследование, в центре анализа «Ревизора» у Синявского-Терца оказывается система образов героев гоголевской пьесы. С одной стороны, отметив «общественный» характер конфликта комедии Гоголя, Терц, с другой стороны, подчеркивает: «Нравственное негодование, которое якобы мы призваны испытывать при виде “Ревизора”, возможно только как чувство головное и отвлеченное, появляющееся в процессе наших собственных рассуждений на тему, что вот де целым светом заправляет шайка безбожников. Непосредственно от соприкосновения с пьесой – читательски, зрительски – это чувство не возникает» [15. С. 72]. И, как следствие, один из центральных героев «Ревизора» – Хлестаков – не воспринимается Синявским как обличитель (обыкновенно, со школьной скамьи, этимологически фамилия героя производится от глагола «хлестать», т.е. бичевать, обличать, критиковать)³. Однако Синявский верно подмечает, что в комедии «нет никого, кто бы подлинно потерпел от властей и общественных порядков»: «Здесь нет добродетели, здесь все в меру порочны, и поэтому, собственно, нам не за что беспо-

коиться. Купцы-аршинники? Да это ж первые воры и, ошипанные Городничим, без промедления обрастают. Слесарша и унтер-офицерша, представляющие, так сказать, пострадавшее население? Но обе они, мы видим, своего не упустят и в жадности, глупости, ругани не уступают начальству...» и т.д. Синявский тонко улавливает сочувствие Гоголя к его героям, умение посмеяться над ними, но при этом продолжать их любить. «Жаль, по-человечески жаль лишь виновников беззакония, попадающих к исходу комедии в крайне неприятный расклад. И более всех жаль, конечно, Городничего: его падение всех ужаснее, хотя, понятно, и всех смешнее» [15. С. 72].

Объективность Синявского-Терца в умении разглядеть интенцию автора и его особая «терпимость» оказываются «близко родственны» Гоголю. Позиция писателя и позиция исследователя сближаются и порождают интертекстуальную корреляцию, усиливая и дополняя друг друга. По Синявскому, отказ от «многопудовой инерции» [15. С. 73], бытующей в современной (советской тогда) науке, когда «персонажи “Ревизора” утрачивают свое обаяние, обращаются в манекены, в сатирические маски и хари» [14. С. 73], позволяет обнажить его в собственно гоголевском пафосе, в «дружелюбном слове» [15. С. 74].

Солидарность Синявского в отношении к классику перспективна: она дает возможность понять логику творчества и логику личностной эволюции (и революции) Гоголя. «Отринув предвзятость “свинных рыл” и имея дело непосредственно с текстом, как свободной от сторонних аналогий поэтической данностью, нетрудно убедиться, что персонажи комедии Гоголя, будучи до конца отрицательными, тем не менее остаются людьми и в этом качестве возбуждают сочувствие. Больше того, смех и посрамление отрицательного лица в значительной мере зиждутся на любовном вхождении в круг человеческих его интересов и снисходительном отношении автора к его слабостям и грехам». Выявленная еще в «Эпilogе» «кривая» жизни Гоголя актуализируется в рамках художественного текста писателя, эксплицируя веру писателя в человека, собственно гоголевский идеализм. «Здесь не просто любовь к сочному образу. Здесь любовь к человеку» [15. С. 74]. Метафизическая любовь Гоголя к человеку и желание (надежда) видеть его будущее совершенство, особым образом проступившие в «Выбранных местах из переписки с друзьями», увязываются Синявским-Терцем с художественным творчеством писателя, словно бы подтверждая высказанную в «Эпilogе» (= прологе) мысль о возвращении Гоголя в последние годы жизни к себе раннему, всегдашнему, к утопическому философу: «вдохновляться мелочным бытом» [15. С. 78] и «любить и лелеять, кого только что презирали» [15. С. 79].

«Мертвые души» Гоголя в восприятии Абрама Терца

Литературоведческий текст Синявского-Терца мощно насыщается философемами Гоголя, прочно соединяя в себе строго научный подход и интертек-

стуальную аллюзийность. И на этом пути роман-поэма «Мертвые души» в контексте автотекстуальных «Выбранных мест...» дает Синявскому возможность постичь «анатомию личности» [15. С. 127] Гоголя, через призму своеобразной «авторской исповеди» вырисовать «рельеф<ный> портрет» [15. С. 112] писателя и человека.

Сохраняя свободную манеру повествования, Синявский-Терц (как и в размышлениях о «Ревизоре») на материале «Мертвых душ» реализует нарративные стратегии, близкие логике научного изыскания или аудиторной лекции. «Свободный ученый» в самом начале главы «Мертвые души» озвучивает бытующий гоголевский тезис, который он намерен оспорить или подвергнуть ревизии: «Мы привыкли думать, что Гоголя погубила религия, по вине которой он отрекся от литературы, впал в мистицизм и т.д. Но...» [15. С. 115]. Репрезентативный план Синявского-Терца таков, что он исходно демонстрирует знание «истории вопроса», но тут же фокусируется на новизне научного исследования и предлагает собственную «рабочую гипотезу». По существу, каждый последующий (под)тезис Синявского, призванный развернуть его основной «контртезис», структурируется и формулируется в стратегии оппозиционности: «...завершалась работа над первым томом “Мертвых душ”, положившая конец литературному дарованию Гоголя. Но...» [15. С. 118]. Синявский-Терц открыто вступает в конфронтацию с существующими тенденциями традиционного гоголеведения и предлагает новые перспективы осмысления личности и творчества «странного» позднего Гоголя, оставаясь в рамках научной системы и приемов литературоведческого анализа.

Вопреки дефиниции повествования Терца как «фантастического литературоведения» Синявский не отвергает существующие знания, но аксиологически взвешивает их. Повествованию Терца о «Мертвых душах» характерны диалогически структурированные обороты «Перед нами пример...» [15. С. 119], «...привычно думать» [15. С. 115], «широко и подробно был освещен...» [15. С. 93], «делались попытки отыскать...» [15. С. 152]. Или, например: «Документами биографии Гоголя можно без труда подтвердить...» [15. С. 135]. То есть Синявский фундаментализирует свои наблюдения над «Мертвыми душами», предлагает их (как и в случае «Ревизора») на фоне и в контексте уже существующих (бытующих) концепций.

Между тем острота научного видения позволяет Синявскому-Терцу преодолеть (игнорировать) привычную общетеоретическую «аксиому» о несовпадении автора и героя, личности и персонажа. Канонический «лирический герой» (например, не равный Пушкину ни в одном из его поэтических текстов) революционно опровергается Терцем в его аналитических размышлениях о Гоголе. И даже более того – исследователь смело запараллеливает и совмещает Гоголя и «мертвые души» (реальную личность и вымышленный персонаж). Синявский выдвигает «крамольную» гипотезу: «биография подлинника» превращается в «фабулу романа» [15. С. 121], «...именно с ними, с

мертвыми душами своей поэмы, он [Гоголь] устанавливает душевную близость» [15. С. 126].

На основе «неожиданного сближения» Синявский-Терц подступает к осознанию сущности не столько собственно художественного текста, сколько глубин психологии творчества. По Синявскому: «Одно из чудесных внушений, как сделалось известным из достаточно откровенных признаний Гоголя, состояло в том, что он должен наделять персонажей собственными пороками и освобождаться от них по мере литературной работы. Этим убивались сразу два зайца: писатель оснащал и уваживал произведение хорошо ему знакомым, взятым из души материалом, и сам постепенно становился лучше и чище, расправляясь со своими грехами» [15. С. 122].

Сегодня современную литературоведческую науку уже нельзя удивить сентенцией о «писательской психотерапии» (например, широко известны слова В. Сорокина о начале его творчества как отвлечении от (юношеской) травмы головы; сходная «травматическая» ситуация лежит и в основе романа С. Гандлевского «Трепанация черепа»). Однако в начале 1970-х гг., когда писалась книга «В тени Гоголя», отечественное литературоведение было еще далеко от «психотерапевтической» стороны вопроса, и Синявский-Терц обнаруживал редкое мужество (особенно применительно к классическому Гоголю). Синявский был склонен к убеждению: «Творческий процесс [в “Мертвых душах”], таким образом, непосредственно смыкался с усилиями по переделке собственной личности, которая всё яснее осознавала себя в ходе внутреннего допроса и духовного созидания. Рационалист-аналитик протягивал руку художнику, и вместе они заключали союз с человеком, поставившим дело исправления и спасения души во главу угла» [15. С. 122]. Ранее «разрозненный» (ранний и поздний) Гоголь предстал в размышлениях Синявского-Терца личностью и творцом одновременно, в неразрывной совокупности, казалось (традиционным гоголеведам), различных его ипостасей, единым и цельным вместилищем «невероятной полноты и густоты» [15. С. 119].

Еще не найдя, не выработав терминологический инструментарий для «литературного психоанализа» (и не ставя перед собой такой задачи), не квалифицируя творческий процесс Гоголя как «автопсихологизм», Синявский-Терц фактически открывает пути «психотехнологиям» и «психодиахронологии» известного специалиста по психоанализу И.П. Смирнова [19 и др.]. На этом нетрадиционном (особенно в 1970-е гг.) направлении Синявский-Терц приходит к убеждению: «В таком повороте творчество [Гоголя] закономерно обретает черты нравственного подвига и религиозного делания. Сама задача возведения литературного здания требует этого крена в сторону исследования и оздоровления души. Тем же высшим внушением, что побудило его “наделять своих героев, сверх их собственных гадостей, моей собственной дрянью”, Гоголю начали открываться его изъяны и недостатки. Строгий самоанализ и упорное морализа-

торство становятся неотъемлемым условием работы» [15. С. 123].

Синявского не останавливает мнимая некорректность в отношении к гению: он называет своими именами (вслед за Гоголем) «гадости» и «дряни», но именно это позволяет представить самое сложное произведение писателя в его автопсихологическом ракурсе: «В результате “Мертвые Души” обращаются в поле битвы между автором и его низменными свойствами, вынесенными во вне, в художественную плоть поэмы, которая вместе с тем сохраняет связь с его нутром и несет на себе следы душевного порождения» [15. С. 123].

Синявский-Терц напоминает о «дряни»: «Гоголь в молодости имел страстишку к приобретению ненужных вещей – всевозможных чернильниц, вазочек, пресс-папье: в дальнейшем она отделилась и развилась в накопительство Чичикова, изъятая навсегда из домашнего достояния автора. Или, скажем, за Гоголем замечалась охота к покупке излишних сапог – эта невинная страсть воссоздана в “Мертвых Душах” в загадочном ночном поведении поручика из Рязани, в конце седьмой главы беспрестанно примеряющего пятую пару сапог...». Однако Синявский-Терц понимает, что «мелкие раскопки», рассматриваемые отдельно от «творческой особи» [15. С. 152] Гоголя, мало что значат сами по себе. Исследователю-нетрадиционалисту важна «общая картина». По Синявскому, «Гоголь был и неизмеримо обширнее прочих своих современников и влекся к соединению в своем гении всех многосторонних способностей, обязанностей и полномочий» (выделено нами. – О.Б., Е.В.) [15. С. 153].

Посредством нетрадиционного анализа «Мертвых душ» Синявский-Терц выводит общую концепцию творчества писателя: «Странно вымолвить, но на путь христианского самосознания Гоголь был подвигнут в первую очередь творчеством» [15. С. 124]. По Синявскому, творчество писателя становится «делом спасения души» человека (неординарной личности). Казавшийся классическому гоголеведению «странным» переход Гоголя от писательства к философствованию у Синявского-Терца обретает законность и закономерность, логичность и доказательность: автопретекст, обильная цитация Гоголя служат «суммарности» научной концепции исследователя.

Намерение Гоголя «устремить все общество и даже все поколение к прекрасному» [15. С. 125], по Синявскому-Терцу, питается «первичной» мыслью о бессмысленности существования и, как следствие, потребностью придать смысл «бессмыслице», к осмыслению направить себя и общество. В интерпретации Синявского-Терца, «“Мертвые Души” посвящены совсем не типам русских помещиков и не премудрым похождениям Чичикова, но подземной и всеобъемлющей мысли Гоголя о цели и бесцельности жизни. Потому они и были написаны, что сам он тогда, в работе над ними, сделался сопричастным этой идее в каком-то очень кровном и личном смысле» [15. С. 155].

При этом масштаб философско-религиозной прикровенности (растворенности) Гоголя, по Синявскому, оказывается вселенским, наднациональным. Исследователь проследживает протестантские и католические «пристрастия» Гоголя, закрепляя корни веры писателя (в опоре на эпистолярный) в православии. И в этой связи примечательно, что Синявский одним из первых приходит к вопросу об «итальянизированной» композиции «Мертвых душ». Причем «не по Данте», а по канону католичества. Действительно, может показаться неожиданным (с поверхностной стороны), что композиция поэмы опосредована католической структурной терцией: ад – чистилище – рай, тогда как православную свойственна диада: ад – рай. «Ступенчатость» католицизма, его постепенность и трехэтапность ближе опасениям Гоголя, связанным с «неготовностью» человека (любого человека, по Гоголю) к прохождению сложного пути «христианского самопознания» [15. С. 124].

Синявский-Терц различает в облике Гоголя «неслыханную жажду синтеза» [15. С. 141], когда нет необходимости и потребности разделять поэта и человека, творца и религиозного мыслителя. Тема творчества (поэта и поэзии) применительно к Гоголю обретает у Синявского категорически иной абрис, чем, например, ранее в связи с Пушкиным. Еще в «Прогулках с Пушкиным» Синявский-Терц реанимировал строку К. Рылеева «Я не поэт, а гражданин» в ее некрасовской огласовке: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!» [17. С. 399]. Причем в связи с творческим «предназначением» Пушкина Синявский говорил о доминанте Поэта над Гражданином, отстаивая концепт «чистого искусства» («свободного искусства»). В размышлениях же о Гоголе исследователь расширяет аргументацию и актуализирует цитату из письма П.А. Вяземского о том, как Пушкин иронизировал в адрес рылеевской сентенции: «Если кто пишет стихи, то прежде всего должен быть поэтом: если же хочешь просто гражданствовать, то пиши прозою» [15. С. 145]. Однако применительно к оппозиции «свет» ↔ «тьма» (Пушкин ↔ Гоголь) Синявский не делает примитивной полифонической перестановки, не поднимает в Гоголе Гражданина над Поэтом. В случае Гоголя Синявский-Терц приходит к более глубокому наблюдению, что «корни его гражданственности, как и общественной активности вообще, лежат глубже, в самой его поэтической природе» [15. С. 145], в единстве поэта и гражданина. В сложной личности Гоголя Синявский-Терц не разделяет слагаемые (впрочем, как не делает этого и применительно к Пушкину), стремится разрешить «загадку личности» [15. С. 144] Гоголя в их совокупности, дополнительной и суммарности. «Гоголю вообще не свойственно раздвоение на поэта и деятеля (или кого-то еще), и упорнее, чем кто-либо, он стреми<т>ся к их стройной гармонии в укрупненной и целостной личности поэта, которая, не изменяя своей природе, соединяет черты, встречающиеся в жизни обычно в разрозненном состоянии – деятеля, поэта, ученого, моралиста и т.д.» [15. С. 141].

Для Синявского-Терца в Гоголе-человеке и творце совершенству служат все мелочи и странности. «Подвиг позора, подвиг сожжения неудавшихся рукописей, подвиг скитания по европейским курортам... Это было, конечно, нелепо, комично, но в том-то и суть, что всё, что ни писал и ни делал Гоголь, являлось, согласно его внутреннему голосу, либо подвигом, либо приоткрытием к таковому». И при этом Синявский вновь актуализирует сопоставление с Пушкиным: «Как для Пушкина всякая поэтическая работа – безделица, так для Гоголя – подвиг» [15. С. 154].

Материальным воплощением духовного подвига Гоголя (его эквивалентом) Синявский-Терц видит роман «Мертвые души». «"Мертвые Души" – это поэма о том, что сама природа и душа мира мертвы, доколе они, как Гоголь, не проникнуты сознанием высшего назначения. Весь ужас и вся беспросветная мгла его поэмы в том и состоит, что в мертвецы зачисляется всякий человек, какой только ни встретится нам на дороге, любого класса и звания, притом не отягощенный сверх меры какими-либо пороками, но просто заурядный, обыкновенный человек, взятый в разнообразии даже не недостатков, но темпераментов, свойств и портретов рода людского. Единственное уязвимое место, сводящее человека на нет, – пошлость, то есть *бесцельность и бессмысленность существования...*» (выделено нами. – О.Б., Е.В.) [15. С. 156].

По наблюдениям Синявского-Терца, пошлость в гоголевских «Мертвых душах» принимает образ не субъективной, личностной или национальной стихии, но универсального качества человеческой жизни, которое синонимично смерти и омертвелости всего мироздания. «Губернский город NN служил прообразом всего человечества, земного существования в целом, представленного разнообразными видами бесцельности (или бездельности), смыкавшими мировую жизнь с процессом омертвления мира» [15. С. 156].

Философский потенциал поэмы Гоголя «Мертвые души» возводится (проецируется) Синявским-Терцем фактически до уровня философии Н.В. Федорова с его идеей о воскрешении мертвых, провидчески эксплицированных исследователем в будущий посттекст. В «Мертвых душах», по мысли Синявского-Терца, обнаруживает себя «целеустремленная воля творческой энергии автора, созидающая колоссальное здание и вопиющая о смерти живых, для того чтобы в скором будущем те восстали из праха вместе с завершением книги, с достижением цели...» [15. С. 159]. Не педалируя связь Гоголя с символистской мирофилософией начала XX в., Синявский затекстово ее констатирует.

В отличие от исследователей-традиционалистов Синявский-Терц приходит к заключению, что Гоголь не просто писатель, не религиозный мистик, не «святой» (как у С. Аксакова: «...Гоголь для меня не человек... Я признаю Гоголя святым» [15. С. 160]) и не бес (как у В. Розанова: «Никогда более страшного человека... подобия человеческого... не приходило на нашу землю»), у Синявского Гоголь «одно слово – Гоголь» [15. С. 161].

Синявский исследовательски продуктивно соединяет накопленные общетеоретические знания гоголеведения

и собственные тонкие наблюдения (прозрения), создавая не традиционный литературоведческий анализ текста «Мертвых душ», которых существует множество, но на материале гоголевского художественного произведения – через посредство «выбранных мест из переписки с друзьями» – реинкарнирует «тень» Гоголя, расчищает от наслонений личность Гоголя, писателя, мыслителя, философа, религиозного мистика, гуманиста.

«Обратная перспектива», избранная в качестве доминантной формы научной рефлексии, позволяет Синявскому-Терцу через «позднего» Гоголя (как казалось, отошедшего от творчества) увидеть Гоголя «творческого», пишущего, созидającego и осознать единство его ипостасей. Потому, по Синявскому-Терцу, «самой гармонической личностью в русской литературе был, безусловно, Пушкин, но Пушкину то единство, на какое покусился Гоголь, и не снилось» [15. С. 173]. В представлении Синявского-Терца, Гоголь оказывается цельной и «равной себе» личностью, не достигшей кризиса в конце жизни, а преодолевшей кризис, в полной мере реализовав в себе те интенции, которые составляли его человеческую (личностную) сущность. «Гоголь со своей карикатурной внешностью, карикатурной психикой, карикатурной судьбой воспроизвел образец, который всегда и бесконечно будет манить человечество. Образец гармонической личности человека, заключающей собою единство всевозможных совершенств и достоинств. Не так, что с одной стороны писатель, а с другой христианин, с одной стороны умник, а с другой патриот, а так, чтобы все эти умы и таланты сливались в одно целое, взаимно помогая друг другу, перетекая и образуя стройный оркестр богоподобного Гоголя» [15. С. 172].

Заключение

Таким образом, подводя итоги анализу филологического исследования Синявского-Терца «В тени Гоголя», можно заключить, что в своей книге автор сделал значительный шаг вперед, с одной стороны, «учтя» упреки в «расхристанности» слога «Прогулок с Пушкиным» и в значительной мере «нейтрализовав» его, с другой – оставаясь верным принципу «чистого искусства», в том числе «чистоты» и свободы науки об искусстве (литературе), предложил неординарные (подчас спорные, но перспективные) наблюдения над творчеством и личностью Гоголя.

Примечания

¹ Впервые книга «В тени Гоголя» появилась в Лондоне в 1975 г.: Терц А. В тени Гоголя. London: Overseas Publications Interchange in association with Collins, 1975. 557 p.

² Заметим, в тексте «В тени Гоголя» совершенно отсутствует «блатная фея». В работе о Гоголе Синявского больше привлекает контентность предложенных суждений и гипотез, а не намерение эпатировать читателей-реципиентов.

³ Авторы настоящей работы предлагают иную этимологию фамилии героя: не от глагола «хлестать», а от глагола «хлестаться» в значении «хвастаться» (например: «Ну хватит хлестаться!»), т.е. «перестать хвастаться»), широко распространенную в Петербурге и, вероятно, чутко уловленную Гоголем, приехавшим из провинции. В этой связи фамилия героя «Хлестаков» по-гоголевски прочитывается как «Хвастунов».

Список источников

1. Ратькина Т.Э. Никому не задолжав... Литературная критика и эссеистика А.Д. Синявского. М.: Совпадение, 2010. 229 с.
2. Плетнев Р. О злом семуудрии Абрама Терца // Новый журнал. 1975. № 121. С. 72–80.

В этом плане наиболее значительные художественные тексты Гоголя – «Ревизор» и «Мертвые души», пропущенные через призму поздних гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями», – дают исследователю материал, позволяющий на метатекстуальном уровне, во-первых, эксплицировать ранее не выявленные особенности неоднозначно-сложного поэтического мира Гоголя, во-вторых, на этом фундаменте спроецировать абрис философической сущности гоголевской личности, не распадающейся (как традиционно принято считать) на Гоголя «раннего» и «позднего», но увиденного Синявским-Терцем в его синтезе и синестезии.

Как и в «Прогулках с Пушкиным», тема творчества и предназначения поэта и поэзии остается в центре «В тени Гоголя», но она структурируется принципиально в ином аспекте – на первый план выходит тема творческой личности Гоголя, совокупная в своей художественной и личностной составляющих. В отличие от традиционных гоголеведов Синявский-Терц не усматривает «кризисности» в Гоголе времен «Выбранных мест из переписки...» – идея Синявского-Терца простирается на весь жизненный и творческий путь писателя, им самим определенный как поиск смысла, высшего человеческого предназначения, подъема ввысь по бытийной лестнице от житейской «бессмыслицы» к красоте беспредельного «дружелюбия» и человеколюбия.

Разгаданные Синявским-Терцем «тайны» и «загадки» художественной мистики Гоголя открывают перед исследователем религиозного мыслителя Гоголя, сущностные векторы философии которого отчасти получили свое продолжение в философских поисках мыслителей Серебряного века – Дм. Мережковского, Н.В. Фёдорова, Н. Бердяева, И. Шмелева и др.

А приемы ассоциативного литературоведения Синявского-Терца, неизменно опирающегося на научно-теоретические подходы (подчас развенчанные им), и опосредованные конкретикой аналитических приемов, нашли свое продолжение не только в «деталях» и «частностях» литературоведческих изысканий, например, в работах П. Вайля, А. Гениса, А. Жолковского, В. Курицына, М. Эпштейна или И. Смирнова, но и в сфере собственно художественной наррации, в литературных творениях писателей-постмодернистов (сегодняшних классиков постмодернизма) А. Битова, С. Довлатова, Л. Петрушевской, Т. Толстой, С. Гандлевского, С. Соколова, Д. Пригова, В. Сорокина, В. Пелевина и многих других.

3. Файнштейн П. Прогулки с Пушкиным в тени Гоголя: краткие заметки о прозе А. Синаевского. Берлин, 1987. URL: www.berkovich-zametki.com (дата обращения: 05.02.2021).
4. Вейдле В. Синаевский о Гоголе // Русская мысль. 1975. № 3080. 4 дек. С. 9.
5. Теймер-Непомнящи К. Абрам Терц и поэтика преступления. Екатеринбург : Уральский ГУ, 2003. 358 с.
6. Померанцев К. (Рец. на книгу) Терц А. В тени Гоголя. Лондон : Стенвалли, 1975 // Русская мысль. 1975. № 3059. 10 июля. С. 9.
7. Манн Ю. Над бездной Гоголя: о книге А. Терца «В тени Гоголя» // Литературное обозрение. 1993. № 1/2. С. 30–33.
8. Манн Ю. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» // Вопросы литературы. 1990. № 10. С. 95–100.
9. Жолковский А. Перечитывая избранные описки Гоголя // Зеленая лампа. 2005. № 1. Б. п.
10. Карпов А.С. Поэтика филологического романа А. Синаевского / А. Терца // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2012. № 4. 54–66.
11. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : в 2 т. М. : Академия, 2003. Т. 1: 1953–1968. 416 с.
12. Генис А. Иван Петрович умер: статьи и расследования. М. : НЛЮ, 1999. 336 с.
13. Глад Дж. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М. : Книжная палата, 1991. 320 с.
14. Набоков В. Лекции по русской литературе. М. : Независимая газета, 1996. 435 с.
15. Абрам Терц / Андрей Синаевский. В тени Гоголя // Абрам Терц / Андрей Синаевский. Собрание сочинений : в 2 т. М. : Старт, 1992. Т. 2. С. 3–336.
16. Белый А. Мастерство Гоголя. М. : МАЛТ, 1996. 351 с.
17. Абрам Терц / Андрей Синаевский. Прогулки с Пушкиным // Абрам Терц / Андрей Синаевский. Собрание сочинений : в 2 т. М. : Старт, 1992. Т. 1. С. 339–436.
18. Kolonovsky W. Andrei Sinyavski: puzzle maker // Slavic and East European Journal. 1998. Vol. 42, № 3. P. 386–391.
19. Смирнов И.П. Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М. : НЛЮ, 1995. 352 с.

References

1. Rat'kina, T.E. (2010) *Nikomu ne zadolzhav... Literaturnaya kritika i esseistika A.D. Sinyavskogo* [Not Indebted to Anyone ... Literary criticism and essay writing by A.D. Sinyavsky]. Moscow: Sovpadenie.
2. Pletnev, R. (1975) O zlom suemudrii Abrama Tertsia [On the evil superthinking of Abram Tertz]. *Novyy zhurnal*. 121. pp. 72–80.
3. Faynshteyn, P. (1987) *Progulki s Pushkinym v teni Gogolya: kratkie zametki o proze A. Sinyavskogo* [Walks with Pushkin in the Shadow of Gogol: Brief notes on the prose of A. Sinyavsky]. Berlin: [s.n.]. [Online] Available from: www.berkovich-zametki.com. (Accessed: 05.02.2021).
4. Veydle, V.V. (1975) Sinyavskiy o Gogole [Sinyavsky on Gogol]. *Russkaya mysl'*. 3080. 4 December. p. 9.
5. Teymer-Nepomnyashchi, K. (2003) *Abram Terts i poetika prestupleniya* [Abram Tertz and the Poetics of Crime]. Yekaterinburg: Ural State University.
6. Pomerantsev, K. (1975) Retsenziya na knigu. Terts A. V teni Gogolya. London: Stenvalli, 1975 [Book review. Terts A. In the Shadow of Gogol. London: Stanvalley, 1975]. *Russkaya mysl'*. 3059. 10 July. p. 9.
7. Mann, Yu.V. (1993) Nad bezdnoy Gogolya: o knige A. Tertsia "V teni Gogolya" [Above the abyss of Gogol: about the book In the Shadow of Gogol by A. Tertz]. *Literaturnoe obozrenie*. 1/2. pp. 30–33.
8. Mann, Yu.V. (1990) Obsuzhdenie knigi Abrama Tertsia "Progulki s Pushkinym" [Discussion of the book Walks with Pushkin by Abram Tertz]. *Voprosy literatury*. 10. pp. 95–100.
9. Zholkovskiy, A. (2005) Perechityvaya izbrannye opiski Gogolya [Rereading Gogol's selected omissions]. *Zelenaya lamp*. 1. N.p.
10. Karpov, A.S. (2012) Poetika filologicheskogo romana A. Sinyavskogo / A. Tertsia [Poetics of the philological novel by A. Sinyavsky / A. Tertz]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 4. pp. 54–66.
11. Leyderman, N. & Lipovetskiy, M. (2003) *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody* [Modern Russian Literature: 1950–1990s]. Vol. 1. Moscow: Akademiya.
12. Genis, A. (1999) *Ivan Petrovich umer: stat'i i rassledovaniya* [Ivan Petrovich Died: Articles and investigations]. Moscow: NLO.
13. Glad, J. (1991) *Besedy v izgnanii. Russkoe literaturnoe zarubezh'e* [Conversations in Exile. Russian Literary Abroad]. Translated from English. Moscow: Knizhnaya palata.
14. Nabokov, V. (1996) *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian Literature]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
15. Tertz, A. / Sinyavsky, A. (1992) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Start. pp. 3–336.
16. Belyy, A. (1996) *Masterstvo Gogolya* [Gogol's Artistry]. Moscow: MALT.
17. Tertz, A. / Sinyavsky, A. (1992) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Start. pp. 339–436.
18. Kolonovsky, W. (1998) Andrei Sinyavski: puzzle maker. *Slavic and East European Journal*. 3 (42). pp. 386–391.
19. Smirnov, I.P. (1995) *Psikhodiakhronologika. Psikhistoriya russkoy literatury ot romantizma do nashikh dney* [Psychodiachronology. Psychohistory of Russian literature from romanticism to the present day]. Moscow: NLO.

Информация об авторах:

Богданова О.В. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института образовательного регионоведения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Власова Е.А. – канд. филол. наук, докторант кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kealis@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Bogdanova, Dr. Sci. (Philology), leading researcher, Research Institute of Educational Regional Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

E.A. Vlasova, Cand. Sci. (Philology), doctoral student, Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kealis@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.02.2021;
одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 11.02.2021;
approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 28.10.2022.*